

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: **ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)**

Тропарь, глас 5:

Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав.

Кондак, глас 8:

Аще и во гроб снишел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу, и воскресл еси яко поведитель, Христе Боже, женам мироносицам вещавый: радуйтеся! и Твоим апостолом мир даруй, падшим подавай воскресение.

Стихира, глас 6:

Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить.

Что изменило для нас Воскресение Христово? Это величайшее событие взорвало всю жизнь человечества — и то, что после жизни. Мы получили надежду, смысл и радостный ответ на самые сложные вопросы.

Булгаков, известный многим по роману «Мастер и Маргарита», дружил с Ильфом, не менее известным благодаря «Двенадцати стульям». Однажды, когда Ильф был серьезно болен, Михаил Афанасьевич пришёл развлечь и ободрить друга. Он много говорил, рассказывал истории, в частности, одну, случившуюся с ним в Грузии.

В каком-то министерстве с дикой аббревиатурой в названии Булгакову и его спутникам пообещали помощь с транспортом. Товарищ, обещавший содействие, попросил подождать его, а в это время к Булгакову подошёл улыбающийся человек и спросил: «Как дела?» Булгаков говорит: «Нормально. Сейчас дадут машину, и поедем на вокзал». Товарищ, лучезарно улыбаясь, говорит: «А потом?» — «Потом до порта и — на пароход». Тот опять: «А потом?» Булгаков, начиная смущаться: «Потом опять на поезд». — «А потом?» — «Потом с пересадками — до Москвы». — «А потом?» Булгаков, совсем растерявшись: «Потом с утра — в редакцию, в театр, по делам, в общем». — «А потом?»

Что потом?

«Уж не знаю, чем бы всё закончилось, — говорит Булгаков, — но подошёл тот самый, обещавший содействие, товарищ и говорит: «Оставьте этого болвана. Он иностранец и по-нашему знает только две фразы».

Булгаков засмеялся, ожидая такой же реакции от Ильфа. Но Ильф серьёзно посмотрел на товарища и спросил: «А что потом, Миша?» Болезнь Ильфа была серьёзной. Быть может, дыхание

ангела смерти уже охладило ему затылок. Там, где легкомысленное сердце не замечало метафизики, для Ильфа уже звучали вечные вопросы. «Что потом?»

Милосердный Боже! Каким холодом веет от этого вопроса для тех, кто не верит в жизнь будущего века! Заставьте неверующего человека вслушаться сердцем в эти два слова — что потом? — и скрипач опустит смычок, водитель заглушит мотор, профессор захлопнет книгу. Переместите мысль о смерти с задворков сознания в центр, и в памяти оживут строчки Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка».

Но что я слышу? Не все скрипачи опустили смычки. Кто-то продолжает играть струнный концерт Альбини. Не все водители заглушили моторы. Кто-то, притормозив на секунду, бодро поехал дальше. Не все профессора покинули кафедры. Остались и те, кто окрепшим голосом продолжил чтение лекций.

Откуда у них эта сила и желание жить дальше, если два слова — что потом? — доведённые до сознания, должны были положить в гроб любой оптимизм и, словно двумя гвоздями, прибить над ним крышку?

О, уверяю вас, у них есть секрет. Не от бесчувствия и не от бессмыслия они продолжают

привычный труд. Драма смерти внятна их сердцу более, чем многим другим. Но, остановившись на малое время, они произнесли волшебные слова и исцелились от страха. «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», — вот что произнесли они, и, словно вурдалак при свете утренней зари, словно хандра при звоне колоколов, исчезла для них безмерная печаль и бессмыслица.

Христос воскрес, и апостолы, в день Распятия похожие на распуганных овец, лишившихся Пастыря, стали подобны львам. Царственным рыком бесстрашной проповеди они огласили Вселенную.

Христос воскрес, и мученики тысячами и десятками тысяч стали встречать смерть с улыбкой. Девушки спешили под меч радостнее, чем под венец, и дети опережали сильных мужчин в храбрости.

Христос воскрес, и реки премудрости потекли от уст святителей и проповедников, ещё недавно живших во тьме греха и невежества, но омывшихся, но оправдавшихся, но освятившихся именем Иисуса Христа и Духом Бога нашего.

Пустыни заселились монахами, потому что Христос воскрес!

Погасли костры в демонских капищах, и сами капища превратились в храмы Божии, потому что Христос воскрес!

Женщина уравнилась с мужчиной, господин обнял слугу, личность стала

важней, чем народ или государство, потому что Христос воскрес!

Сверху донизу разорвалась завеса в Храме. Благодать Божия, не желая быть частной собственностью одного

Воздух похож на Бога. Он всегда рядом, и его не видно. То, насколько он нужен, узнаешь, когда его не хватает.

Солнце похоже на Бога. Оно может и греть, и сжигать. На его огненный диск нельзя смотреть без боли. Все живое тянется к нему. Все живое пьет его силу.

Море похоже на Бога. Когда оно прозрачно и ласково, это похоже на нежность Большого к маленькому. Когда оно бушует и пенится — с ним нельзя спорить.

На Бога похож мужчина. Когда он кормит семью и готов за нее драться. И еще когда он скуп на слова и улыбается редко.

На Бога похожа женщина. Когда она кормит грудью и ночью встает на плач. Когда она растворяется в детях и отвыкает думать о себе.

Так много всего в мире похоже на Бога. Откуда взялись атеисты?

народа, и притом — неблагодарного, сообщила себя всем, кто полюбил воплощенную Истину.

Сверху донизу треснули стены ада, и несметные души, как птицы, влетели в Небесное Царство, куда раньше

всех вошёл спасённый верой и очищенный страданием благоразумный разбойник.

И я, без всякой нитки оказавшийся в лабиринте, потерявший сам себя и чувствующий себя никому не нужным, вдруг узнаю, что и я не забыт. Мало того, любим и известен Ему по имени. Во вселенской пасхальной оратории несколько нот предназначены и для моего голоса.

Жить — это значит жить вечно! И нет никакого страха в словах «что потом?» Потом будет город, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. Потом будет голос, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними. И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. Потом узрят лице Его, и имя Его будет на челах их.

Вот что будет потом, и то, что будет это, так же несомненно, как то, что Бог — свят. Но не завтра это будет, и не наше дело — рассуждать о временах и сроках. Идти нужно по указанному пути. Песня дорожная у нас уже есть: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопрос священнику

Вопрос:

Как противостоять «свидетелям Иеговы», утверждающим, что в Библии не говорится о том, что праздновать Пасху надо так, как это делают православные?

Отвечает

Иеромонах Иов (Гумеров):

Прежде всего, надо решительно отвергнуть тот прием, которым постоянно пользуются представители сект и протестанты, утверждающие, что святая Библия является единственным источником в вопросах веры, богослужения и духовной жизни. Этот «принцип» ввели лютеране, чтобы отказаться от многовекового опыта Церкви, который расходится с их облегченным, реформированным христианством. Они искусственно сформулировали позицию: «только Писание». Однако парадоксальность их утверждений заключается в том, что в самом Писании нет такой мысли. Получается,

что уже в своем главном, исходном положении они не соблюдают вводимое им правило, ибо нигде само Священное Писание не говорит, что Библия является единственным источником истины. И вопрос, который мы часто слышим: «Покажите, где об этом говорится в Библии?» — хочется обратить к ним.

В Священном Писании говорится, что оно богодухновенно (см.: 2 Тим 3: 16), но ни в одном месте не указано, что, кроме Писания, не может быть другого руководства в делах веры. Напротив, мы находим мысли, противоположные тому, что утверждают протестанты и сектанты. Апостолам было известно гораздо больше о Господе нашем Иисусе Христе, чем это запечатлено в четырех Евангелиях: «Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21: 25). Спаситель открывал истины Своим ученикам не с помощью текстов, а в

живом общении. Это и стало источником Священного Предания. Апостол Павел говорит коринфским христианам: «Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам» (1 Кор. 11: 2). Об этом же он говорит в послании к солунянам: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес. 2: 15). Об опасности уклонения от Предания первоверховный апостол пишет в послании к своему ученику: «О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры. Благодать с тобою» (1 Тим. 6: 20–21).

Нужно заметить, что ни протестанты, ни представители сект к себе этот принцип не применяют. Их учения, составленные, приспособленные к потребностям века сего, проверки Писанием не выдерживают. Самое главное их отступление заключается

в том, что они оказались вне Церкви, которая, по слову апостола Павла, есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3: 15). К более чем двумстам различным протестантским конфессиям, течениям, деноминациям и к более пятистам сектам, возникшим на почве протестантизма, совершенно невозможно отнести то, что Иисус Христос назвал Своей Церковью (см.: Мф. 16: 18). Новозаветная экклезиология предполагает иерархию (епископ, пресвитер, диакон). Епископа апостол Павел называет «Божием доможителем» (Тит. 1: 7). Апостольскую Церковь невозможно представить и без священства: «Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела» (Деян. 15: 6); «Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1 Тим. 5: 17). Хочется спросить протестантов и сектантов: где в Библии сказано, что можно отменять апостольские установления?

Вопрос о Пасхе, заданный иеговистами, содержит нарочитую подмену. В Библии говорится о ветхозаветной Пасхе, а мы празднуем новозаветную. Иудейская Пасха совершалась в память освобождения евреев из египетского плена, когда были в каждой семье закланы агнцы и их кровью помазаны косяки и перекладины дверей в каждом жилище (см.: Исх. 12: 7, 22). Ангел Господень, поражавший первенцев египетских, прошел мимо домов евреев.

Праздник этот продолжался с вечера 14-го по 21-е число месяца авива (нисана), что соответствует последней половине нашего марта и первой половине апреля. В десятый день этого месяца глава каждого семейства должен был выбрать и отделить однолетнего агнца (из овец или коз), без порока, который должен был быть заклан вечером в 14-й день. Мясо агнца запекалось и полностью съедалось с горькими травами (в воспоминание рабства в Египте). Кости агнца не должны были дробиться. Заклание агнца и вкушение его были прообразами страдания и смерти Иисуса Христа, а также вкушения тела и крови Его в таинстве евхаристии. Во время праздника употреблялся только пресный хлеб (опресноки), а не квасной (см.: Исх. 12: 15, 19). Опресноки должны были напоминать еврейскому

народу о его призвании быть народом чистым, святым, свободным от порчи квасом египетским, то есть чуждым нравственного рабства египетского. В таинственном смысле опресноки изображали чистоту духовной жизни во Христе: христиане через Пасху – Христа – будут очищены от ветхой закваски греха и должны праздновать новую Пасху «в бесквасии чистоты и истины» (1 Кор. 5: 7–8).

Господь наш Иисус Христос, пришедший не разорить закон, а

Ремья имеет свойство твердеть и превращаться в камень. Каждая секунда прошивает человека насквозь, а оказавшись за спиной, становится историей. Вся прожитая жизнь напоминает пиршественную залу, заколдованную волшебником.

Все, кто ее наполняет, были живы. Но в то мгновение, когда настоящее превратилось в прошлое, они замерли в той позе, в какой их застало переменчивое время. Теперь их можно изучать или просто рассматривать.

Шут соорудил гримасу, и она приросла к его лицу. Король положил руку на коленку придворной дамы, и история запомнит его в этом положении. Застыло вино в кубке у бражников, и сами бражники, запрокинув головы, замерли. Замерла с открытым клювом певшая в клетке птица. Застыл паук на отвердевшей паутине.

Такова жизнь. Она широка, как поле, и перебрать, пересмотреть все, что наполняет ее, трудно. Трудно, но возможно.

Для совести нет слова «вчера». Потому что совесть — от Бога, а Бог живет в вечном «сегодня». Совесть идет по прожитой жизни, как по залам музея. Экскурсоводом ей служит память. В отдельных залах совесть жмурит глаза и краснеет. На экспонаты этих залов смотреть стыдно. Тогда совесть тревожит душу, заставляет ее молиться. Если молитва тепла — застывшие сцены прошлого тают и теряют форму. Они превращаются из камня в воск, оплавляют и становятся неузнаваемыми.

Это прощенные грехи, расправленные стыдом и молитвой. Они не станут перед твоим лицом с обличением, и Бог на Суде их вспоминать не будет.

Но залов в «музее прожитой жизни» много. Нужно успеть пройти их все. Пока продаются билеты. Пока не устал экскурсовод.

Протоиерей Андрей Ткачев

исполнить, во время земной жизни совершал со Своими учениками ветхозаветную Пасху. Последняя такая Пасха была во время Тайной вечери, когда Он установил величайшее таинство — евхаристию.

Смерть Спасителя на Кресте и Его Воскресение — основание и начало христианской Пасхи. «Пасха наша, Христос, заклан за нас» (1 Кор. 5: 7). Православная Церковь празднует Пасху в полном соответствии с учением апостолов: все наше пасхальное богослужение проникнуто радостью Воскресения. Что касается обрядовой стороны праздника, то об этом в священных новозаветных текстах ничего не рассказывается. Апостол Лука сообщает о молитвенной жизни первой христианской общины очень кратко:

«И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2: 42). Сохранение молитв до нас не дошло. Несомненно, что одной из них была молитва Господня («Отче наш...»), которая произносится на всех наших службах. Эту молитву памятник II века «Учение 12 апостолов» (Дидахе) предписывает произносить три раза в день (глава 3). Апостол Павел упоминает о трех видах песнопений, которые тогда были приняты у христиан: «Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 3: 16). Псалмами в нашей Церкви во время пасхальных дней начинается вечерня, утренняя и Божественная литургия:

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. И да бежат от лица Его ненавидящий Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся...» (Пс. 67); «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны» (Пс. 117).

Что касается славословия Господа, то им проникнуто и им дышит все ликующее пасхальное богослужение.

Духовные песни, которые упоминает апостол Павел, до нас не дошли. Великий гимнограф святой Иоанн Дамаскин составил достойные значимости праздника умиленные стихиры Пасхи и пасхальный канон.

Обычай христосоваться (целовать друг друга) идет от апостольских времен. Это применение древнего

лобзания мира и священной любви (см.: Рим. 16: 16).

Упреки в том, что мы печем куличи и другие яства, а о них нет упоминания в Библии, являются нелепыми и невежественными. Кто изучал историю, знает, что в любой религии обряды формируются на протяжении веков. Так, в книгах пророка Моисея содержатся основные предписания о совершении богослужения в скинии. Но это вовсе не значило, что к этим указаниям ничего нельзя было добавлять. Пять веков спустя пророк Давид написал несколько десятков псалмов, для исполнения которых он выделил из левитов 4000 певцов и музыкантов. На протяжении ветхозаветной истории возникали новые праздники, рождались и новые обычаи.

